

Крокодил — эпизод 5 из 16

Я привел ее наконец домой, успокоил и, пообедав вместе с нею, после чашки ароматного кофе, отправился в шесть часов к Тимофею Семенычу, рассчитывая, что в этот час все семейные люди определенных занятий сидят или лежат по домам.

Написав сию первую главу слогом, приличным рассказанному событию, я намерен далее употреблять слог хотя и не столь возвышенный, но зато более натуральный, о чем и извещаю заранее читателя.

Эй, Ламбер! Где Ламбер? Видел ты Ламбера? (франц.)

Почтенный Тимофей Семеныч встретил меня как-то торопливо и как будто немного смешавшись. Он провел меня в свой тесный кабинет и плотно притворил дверь: Чтобы дети не мешали, проговорил он с видимым беспокойством. Затем посадил меня на стул у письменного стола, сам сел в кресла, запахнул полы своего старого ватного халата и принял на всякий случай какой-то официальный, даже почти строгий вид, хотя вовсе не был моим или Ивана Матвеича начальником, а считался до сих пор обыкновенным сослуживцем и даже знакомым.

Прежде всего, начал он, возьмите во внимание, что я не начальство, а такой же точно подначальный человек, как и вы, как и Иван Матвеич... Я сторона-с и ввязываться ни во что не намерен.

Я удивился, что, по-видимому, он уже всё это знает. Несмотря на то, рассказал ему вновь всю историю с подробностями. Говорил я даже с волнением, ибо исполнял в эту минуту обязанность истинного друга. Он выслушал без особого удивления, но с явным признаком подозрительности. Представьте, сказал он, выслушав, я всегда полагал, что с ним непременно это случится.

Почему же-с, Тимофей Семеныч, случай сам по себе весьма необыкновенный-с...

Согласен. Но Иван Матвеич во всё течение службы своей именно клонил к такому результату. Прыток-с, заносчив даже. Всё прогресс да разные идеи-с, а вот куда прогресс-то приводит!

Но ведь это случай самый необыкновенный, и общим правилом для всех прогрессистов его никак нельзя положить...

Нет, уж это так-с. Это, видите ли, от излишней образованности происходит, поверьте мне-с. Ибо люди излишне образованные лезут во всякое место-с и преимущественно туда, где их вовсе не спрашивают. Впрочем, может, вы больше знаете, прибавил он, как бы обижаясь. Я человек не столь

образованный и старый; с солдатских детей начал, и службе моей пятидесятилетний юбилей сего года пошел-с.

О нет, Тимофей Семеныч, помилуйте. Напротив, Иван Матвеич жаждет вашего совета, руководства вашего жаждет. Даже, так сказать, со слезами-с. Так сказать со слезами-с. Гм. Ну, это слезы крокодиловы, и им не совсем можно верить. Ну, зачем, скажите, потянуло его за границу? Да и на какие деньги? Ведь он и средств не имеет?

На скопленное, Тимофей Семеныч, из последних наградных, отвечал я жалобно. Всего на три месяца хотел съездить, в Швейцарию... на родину Вильгельма Телля.

Вильгельма Телля? Гм!

В Неаполе встретить весну хотел-с. Осмотреть музей, нравы, животных...

Гм! животных? А по-моему, так просто из гордости. Каких животных?

Животных? Разве у нас мало животных? Есть зверинцы, музеи, верблюды.

Медведи под самым Петербургом живут. Да вот он и сам засел в крокодиле...

Тимофей Семеныч, помилуйте, человек в несчастье, человек прибегает как к другу, как к старшему родственнику, совета жаждет, а вы укоряете...

Пожалейте хоть несчастную Елену Ивановну!

Это вы про супругу-с? Интересная дамочка, проговорил Тимофей Семеныч, видимо смягчаясь и с аппетитом нюхнув табаку. Особа сублильная. И как полна, и головку всё так на бочок, на бочок... очень приятно-с.